

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЛАИШЕВСКИЙ УЕЗД

Миронова Е. В., кандидат исторических наук

THE FIRST WORLD WAR AND LAISHEVSKY COUNTY

Mironova E. V.

Первая мировая война стала серьезным испытанием для всей страны. Мобилизация мужского населения, эвакуация из западных губерний простых жителей империи, но являвшихся подданными вражеских государств, появление огромного количества иностранных военнопленных, а также беженцев, беспризорных сирот, инвалидов и раненых – вот лишь некоторые из проблем, с которыми пришлось столкнуться в тылу. Соответственно стали возникать категории населения, несвойственные для мирного времени – беженцы, военнопленные, интернированные. Появились и новые социально незащищенные слои местных жителей, например, родственники мобилизованных на войну. На примере Лаишевского уезда можно изучить процессы их обустройства на местах.

Появление в уезде большого количества людей из разных уголков страны и даже других государств внесло коррективы в деятельность земства, на которое легла нагрузка по транспортировке, распределению и организации быта всех прибывающих. Появление чрезвычайных расходов заставило лаишевское земство

перекраивать бюджет, экономя на всем – на продовольствии заключенных, ремонте зданий училищ, учебных командировках медицинского персонала и т. д.

Однако все равно имевшиеся в распоряжении местного самоуправления капиталы не позволяли принять полномасштабное участие в тыловой поддержке правительства. По этой причине лаишевское собрание отказалось вступать во Всероссийский союз по оказанию помощи больным и раненым воинам, но в рамках уезда такой комитет для сбора пожертвований был создан. В него вошел весь состав управы, для ведения дел было нанято особое лицо с окладом 600 руб. Уездный комитет оказывал лишь дополнительную помощь больным и раненым воинам и семьям мобилизованных, основную финансовую нагрузку на себя взяло губернское земство. Оно же предоставило уездному комитету кредит.

Первые мобилизационные сборы прошли 18 и 25 июля и 20 сентября 1914 г. Крестьяне предоставляли подводы для доставки мобилизованных в сборный пункт в г. Лаишев за следующую плату – 4 коп. за версту.

Оплата задерживалась. А в случае роспуска подвод по домам ввиду изменения расписания вознаграждение за простой не выдавалось. Между тем от аккуратности предоставления подвод зависел успех, с которым проходила мобилизация. Поэтому управа все-таки настояла на выдаче денег за дни ожидания.

Отметим, что еще задолго до начала войны, в январе 1911 г., земства были освобождены от расходов по призрению семей нижних чинов. А законом от 25 июня 1912 г. эта обязанность возлагалась на специально создаваемые органы – волостные попечительства, оказывавшие помощь из средств государственного казначейства, а не земской кассы.

Только в первый год по уезду было призвано 6256 запасных нижних чинов и ратников ополчения. Нельзя сказать, что оставшиеся без кормильца семьи все без исключения получили помощь. На нее могли рассчитывать жена и дети нижних чинов, а также ближайшие родственники (отец, мать, дед, бабка, братья и сестры), доказавшие, что содержались трудом призванного. Им полагалось получение пропитания (мука, крупы, соль, постное масло – все по 1 фунту в месяц) и денежного пособия (2 руб. 48 коп. в месяц). В некоторых деревнях остались осиротевшие малолетние племянники, престарелые дяди, тетки и пр.

С самых первых шагов деятельности волостных попечительств подтвердилась настойчивая нужда в помощи многим оставшимся без работников семьям на обработку и уборку полей. На каждое попечи-

тельство для этого было отпущено 250–770 руб. – всего же по уезду 7325 руб. Причем выяснилось, что многие семьи воспользовались безвозмездной помощью еще до получения волостями средств. Ее оказали свои же однодеревенцы. Поддержка от волостных попечительств подошла только во второй половине августа, когда эти сельскохозяйственные работы уже подходили к концу. С учетом ошибок 1914 г. уездная управа решила весной следующего года размеры помощи увеличить, так как мужских рук не осталось, лошадей тоже, сократилось поголовье скота, пищевые и кормовые средства истощились.

Кстати, и сами земские служащие подлежали призыву на фронт. С началом войны были мобилизованы 3 участковых и 1 ветеринарный врач, а также 3 фельдшера. Для замещения вакансий приходилось набирать несвойственный мирному времени персонал – женщин, студентов и слушательниц медицинских курсов. Все мобилизованные работники изъявили желание вернуться на земскую службу, поэтому их семьи были обеспечены пособием в размере половины жалованья.

В ноябре 1914 г. председатель совета сельскохозяйственного общества в с. Рождествено Г. Кузьмин просил уездную управу о предоставлении кредита на приобретение инвентаря для прокатной станции, чтобы все нуждающиеся родственники фронтовиков могли беспрепятственно использовать это оборудование для очистки зерна и других хозяйственных нужд.

В первых числах августа стало известно о надвигающейся волне беженцев в Казанскую губернию – до 100 тысяч человек, из которых 8 000 направились в Лаишевский уезд. В связи с чем были срочно организованы приемные и питательные пункты. Организация эвакуации была возложена на уездную управу, а санитарный надзор и пищевое довольствие – на волостные попечительства. Регистрация и медосмотр беженцев были устроены в Лаишеве и Рыбной Слободе, этапные пункты для добиравшихся сухопутно находились в Нармонке, Шуране, Алексеевском, а для прибывающих по реке – бараки на лаишевской пристани. Медосмотр был возложен на земского врача, а при его отсутствии – на городского (то есть уездного). Местное население предоставляло подводы за 5 коп. с версты. Беженцам выдавалось квартирное, суточное и фуражное довольствие – по 12 коп. на человека и фуражных по 30 фунтов сена в день за каждую голову скота. За размещение в глубинке уезда – 1 руб. в месяц на человека, каждой семье ежемесячно по 2 руб. 70 коп. – на взрослых и по 1 руб. 35 коп. на детей до 5 лет, а также по 30 коп. на каждое лицо для обустройства на месте. В самом Лаишеве беженцев не размещали.

Местный купец П. Я. Максимов на свои средства арендовал для беженцев бани. А на лаишевской пристани под барак бесплатно предоставил свой амбар П. В. Щетинкин. Эвакуация беженцев в уезд началась 4 сентября, первая партия из 43 семей прибыла в деревню Нармонка

5-го числа, все 243 человека были расселены в Астраханской и Саратовской волостях.

Затем последовали более многочисленные партии беженцев. Всего в 15 волостях уезда были расселены – 707 семей (3287 человека). Кроме того, беженцы перевезли с собой домашний скarb и 215 голов скота.

Значительная часть беженцев последовала через Лаишевский уезд транзитом. Только в период с 10 сентября по 12 октября отсюда в Спасский уезд было эвакуировано 2278 человек, в Чистопольский – 3351. Также с ними доставили свыше полутора тысяч голов скота.

Заболевших беженцев задерживали в Лаишеве. В основном, это были дети, зараженные корью, scarлатиной и другими серьезными заболеваниями. Больные помещались в местной земской больнице до выздоровления, а семьи изолировались в особых домах, предоставленных городом. Таких больных за все время эвакуации было зарегистрировано до 20 человек в 15 семьях и 3 летальных исхода.

Размещение и последующее содержание беженцев требовало огромных финансовых затрат. Средства для этих целей уездная управа получала из Казанского губернского комитета Всероссийского земского союза. Всего с 5 сентября по 25 октября было израсходовано 3700 руб. на выдачу квартирнoгo, суточного и фуражного довольствия беженцам, проследовавшим в Чистопольский и Спасский уезды. На перевозку и содержание беженцев, расселенных внутри уезда, ушло свыше

14 тысяч руб. Прочие расходы, связанные с поставкой дополнительных подвод, оборудования переправ через реки, отправкой телефонограмм и пр. – составили более 600 руб. Приблизительная сумма расходов превысила 18 тысяч руб.

Все проследовавшие партии беженцев были эвакуированы из Холмской, Люблинской и Гродненской губерний. Многие находились в пути по 3–4 месяца. «Беженцы первых двух губерний наиболее разорены, изнурены и обтрепаны и представляли из себя довольно грустную картину»¹, более благополучно чувствовали себя гродненцы.

Поскольку беженцы получали только подъемные, то на новом месте жительства неизбежно вставал вопрос поиска работы с целью обеспечения себя и своих семей. Измученные физически и душевно пережитыми бедствиями, они не сразу могли сориентироваться в новых условиях и найти подходящую работу. Обосновавшись в сельской местности, особого выбора и не было, поэтому полевые работы стали основным источником заработка, независимо от квалификации и степени приспособленности к данному виду труда. А дети были бесплатно устроены в местные земские училища, а также церковно-приходские школы. Кроме того, во всех медицинских учреждениях уездного земства было гарантировано бесплатное лечение.

Отметим, что среди беженцев было много сирот и детей, потерявших родителей. Всероссийский земский союз взял на себя устройство таких детей, а также организовал

публикацию списков с указанием имени, фамилии, возраста и места нахождения ребенка. Так, по данным на 1916 г., в Лаишевском уезде насчитывалось 8 несовершеннолетних. Из них шестеро пребывали в уездных комитетах в с. Черемышево, с. Масловка и д. Ташкирмень. Еще двое поселились у родных, эвакуированных в с. Чирпы и с. Масловка – это 10-летняя Юлия Петюк и 14-летняя Саевская Улита.

С августа 1915 г. по поручению Синода стали учреждаться епархиальные комитеты по оказанию помощи беженцам. Они предоставляли бесплатное питание и приюты, а кого-то направляли к родным. Помощь распространялась на учителей церковно-приходских школ, священников и рядовых православных. Практически всех селили по деревням, и только небольшую часть беженцев оставили в Лаишеве, разместив в Троицкий женский монастырь. Осенью 1915 г. священник Байтеряковского приходского совета Павел Никольский писал: «Волна беженцев, наконец, дошла до моего прихода. 21 октября мне дали знать, что ведут в мой приход беженцев. Я взял с собой сельских старост и с ними пошел осматривать квартиры, которые предназначались для беженцев; просили хозяев теплые истопить избы, испечь хлеба им, из собранной, нами раньше, муки; исполнив все это, мы стали ждать гостей. Приехали беженцы, мы их поставили на теплые квартиры и стали раздавать им все необходимое... В настоящее время беженцы живут, Слава Богу, хорошо. Всем доволь-

ны. Народ им помогает оч. сильно. Жертвы, в приходской совет, текут. Больных среди них мало. Всего в моем приходе семей 23, а количество людей 128»².

Известны имена некоторых церковнослужителей, прибывших в Лаишевский уезд и поступивших на службу на месте эвакуации. Это – священники Гродненской епархии Иоанн Петровский и Федор Огиевич. Оба приехали с семьями и прислужгой. Для исполнения пастырских обязанностей Петровского командировали в с. Елань, а Огиевича – в с. Мурзиху³.

Судя по отчетам священника Байтеряковского приходского совета Лаишевского уезда, беженцы из всех сил старались прижиться на новом месте, но испытывали финансовые трудности: «Все беженцы выше всяких похвал, работают не покладая рук, за исключением 2–3 лентяев. Живут очень бедно. Про это все знают, но не все обращают внимание... К этому еще по распоряжению начальства убавили пайки тем, у которых много детей. Многосемейные беженцы взвыли. Местных средств мало и почти нет, пришлось искать источники, чтобы помочь им»⁴. Так, из комитета Гродненско-Софийского братства по оказанию помощи временной русским беженцам из Гродненской губернии поступили 179,74 руб. Пособие было разовым, но у людей, уже не надеявшихся наладить свою жизнь, вдали от родных мест, в разлуке с близкими, «радости не было конца»⁵.

Кроме того, в период войны в уезд стали направляться военнопленные.

Лагерь для их содержания был организован на территории г. Лаишев. Подобные места концентрации солдат находились также в Казани, Тетюшах, Спасске и других городах, но основная часть плененных была размещена близ Свияжска и в Чистополе, где их число превышало 5 тысяч человек⁶.

Больных военнопленных лаишевское земство размещало в своих больницах. Для них были отведены 15 коек, а 25 оставлены для местного гражданского населения. Лечение осуществлялось по таким же расценкам, как и российских военнослужащих – с платой по 1 руб. 39 коп. за сутки. Также предполагалось организовать отдельный временный госпиталь в Лаишеве. Кроме того, были открыты лазареты в имениях помещиков. Так, в имении Нератова в с. Тангачи разместилось 10 раненых. Всего же лазарет мог одновременно вместить до 20 солдат⁷.

Мобилизация привела к дефициту рабочих рук, поэтому труд пленных оказался востребованным. Уже к середине февраля 1915 г. в лаишевское земство поступили заявки от помещиков на использование в хозяйстве 111 человек. Наибольшее количество рабочих – 24 человека – затребовал князь А. А. Крапоткин для проведения весеннего посева в деревне Юнусово. Еще 20 пленных запросил А. А. Лебедев на осенние работы в Каипах. Остальные просили прислать от 4 до 15 человек.

Правила отпуска военнопленных на сельскохозяйственные работы были Высочайше утверждены 28 февраля 1915 г. Первоначально

уездное собрание хотело воздержаться от такого посредничества, так как гласные не видели возможности обеспечить охрану подневольных работников. Однако пришлось включиться в работу, так как губернское собрание поддержало основные пункты правил, а к концу 1915 г. уездные земства стали напрямую отправлять запросы на военнопленных в штаб Казанского военного округа, минуя губернскую управу⁸.

Если среди первых заявителей на военнопленных были крупные землевладельцы, то вскоре бедные семьи тоже обратили внимание на этот ресурс. Так, жители г. Лаишев, в хозяйствах которых в течение трех лет трудились пленные солдаты, утверждали, что они обходились дешевле местных рабочих⁹.

Широко известны случаи недобросовестного выполнения работ военнопленными. Низкая оплата труда и нежелание работать на противника приводили к снижению эффективности труда военнопленных и даже к намеренному саботажу с их стороны. Например, в начале 1916 г. управляющий в имении Демерт сообщал о том, что австрийские военнопленные портили рабочий инвентарь, грубо обращались с животными, при этом игнорируя его угрозы о суде¹⁰.

А в 1917 г. крестьяне насильно сгоняли пленных с помещичьих полей. Так, 4 мая губернскому комиссару поступило заявление землевладельца Л. А. Казанкина о том, что крестьяне, арендовавшие у него 38 десятин при деревне Чемодуровой, не только отказались вносить пла-

ту по прежнему договору, но и разогнали с полей пленных рабочих, запретив им пахать землю. 10 мая дворянка Н. В. Нератова сообщала, как демобилизованные солдаты в сопровождении двух крестьян сняли в ее имении администрацию, всю прислугу и заявили пленным, что отныне она обязана кормить их, но они не должны работать на нее. Землевладелец П. С. Алексеев, пытаясь оспорить решение Пановского волостного комитета о передаче пашни в аренду, дошел до оскорблений, доказывая, что часть земли уже сдана, за что был заключен под стражу, а пленных не подпустили к работам¹¹. Новые органы исполнительной власти в лице волостных и сельских исполнительных комитетов даже вводили налог на пленных. Например, Урахчинский волостной комитет установил ежемесячную плату в размере 5 руб., начиная с 1 мая 1917 г.

Особо нужно выделить группу гражданских пленных, или интернированных. Они проживали на территории Российской империи, но являлись подданными стран, против которых велись военные действия. Из прифронтовых губерний их выселяли во внутренние районы страны. Нередко интернированию подлежали только некоторые члены семьи, если остальные имели российское гражданство. Такое разделение поломало судьбы многих людей, вынужденных покинуть дом и переселиться в чужой город или даже деревню. Кроме разлуки с близкими, было множество других трудностей, с которыми им пришлось столкнуться. Статус ин-

тернированного означал, что человек не просто подлежал эвакуации, а отныне становился гражданским пленным и должен был жить по правилам ссылки. Назовем лишь некоторые из них – запрещалось покидать место жительства, даже кратковременные поездки до 7 дней требовали разрешение начальника полиции, регламентировалось даже время выхода на улицу – не позднее 7 часов вечера зимой и не после 8 – летом. Масса ограничений, введенных для иностранцев, вызывала обиду на власть. «Совсем не заслужил на такое выселение, – писал 55-летний германский подданный Иосиф Гамбич о своем водворении в Лаишеве, – я человек благородный, мирный житель, мастерской каменщик, в шпионстве не замечен»¹².

Но были в числе ссыльных и политически неблагонадежные лица. Так, в Лаишеве был поселен 26-летний поляк А. С. Пиотровский. Живя в Варшаве и не имея определенных занятий, он вел на окраине города картежную игру, вовлекая в нее проходящих в одиночку военных, что не могло не послужить поводом для подозрения¹³.

Первая Мировая война стала трудным испытанием для всего населения Лаишевского уезда, как местного, так и пришлого. Органам са-

моуправления пришлось изыскивать места для приезжих, организовывать им медицинскую, продовольственную и денежную помощь, устраивать их детей в школы. В первую очередь заботились о российских подданных, но об иностранцах тоже не забывали. В больницах военнопленным отводили количество мест, сопоставимое с таковым для уездных жителей. Поскольку все меры помощи требовали огромных вложений, финансовую помощь оказывало губернское и общероссийское земство и правительство. Помогали и сами лаишевцы. Небогатые крестьяне могли вскладчину оказывать поддержку попавшим в трудную ситуацию односельчанам, а зажиточные купцы предоставляли помещения для беженцев. Была и некоторая выгода от этой трудной ситуации – военнопленных можно было эксплуатировать по низкой цене, чем пользовались как помещики, так и крестьяне. Для всех новых категорий населения это было очень непростое время, но постепенно они обустроивались, налаживали контакты, организовывали быт. Слаженные действия органов управления и обычных жителей позволили этим незащищенным слоям почувствовать некоторое улучшение своего состояния.

Сведения об авторе: Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, отдел историко-культурного наследия народов РТ, e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru.

Аннотация: В статье рассматриваются изменения в Лаишевском уезде, связанные с началом Первой Мировой войны, в частности с прибытием беженцев, военнопленных и интернированных. Также показаны меры помощи семьям ушедших на фронт. Изучены организационные мероприятия земства и правительства, помощь со стороны местного населения. Сделан вывод, что данные меры принесли пользу для перечисленных категорий людей.

Ключевые слова: Казанская губерния, Лаишевский уезд, Первая Мировая война, беженцы, военнопленные, интернированные, земство.

Abstract: The article discusses the changes in Laishevsky county associated with the outbreak of the First World War, in particular with the arrival of refugees, prisoners of war and internees. Also shown are measures to help families who have gone to the front. Organizational measures of the zemstvo and government, and assistance from the local population were studied. It is concluded that these measures have benefited the listed categories of people.

Key words: Kazan province, Laishevsky county, World War I, refugees, prisoners of war, internees, zemstvo.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Постановление Лаишевского Уездного Земского Собрания – экстренных – 25-го февраля и 11-го августа и 50-й очередной сессии – с 6-го по 9-е ноября 1914 г. – Казань: лито-тип. И. Н. Харитоновна, 1915. С. 54.
- 2 Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 1134. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.
- 3 Там же. Л. 117 об.
- 4 Там же. Л. 226.
- 5 Там же.
- 6 Человек в революции: Казанская губерния. Т. 2. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 272.
- 7 Тангачи Лаишевского уезда. Лазарет в деревне // Камско-Волжская речь. 1912. № 225.
- 8 Фортун А. А. Саратовское земство и военнопленные в годы Первой мировой войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 377.
- 9 Человек в революции: Казанская губерния. Т. 2. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 289.
- 10 Там же. С. 282.
- 11 Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1: сб. док. – Казань: Татгосиздат, 1950. С. 191.
- 12 ГА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 29.
- 13 Там же. Д. 88. Л. 2.